

УДК: 316.7(57)

Регион: экономика и социология, 2013, № 2 (78), с. 37–47

СЕВЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

Ю.В. Попков

Институт философии и права СО РАН

Е.А. Тюгашев

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет*

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 12-32-06001)*

Аннотация

В статье актуализируется глобальная оппозиция Север – Юг как методологическое средство анализа идентичности российской цивилизации. Указывая на ошибочность отождествления глобального Севера и глобального Запада, авторы обосновывают положение о северной идентичности России. Признание данного факта имеет важное значение для определения перспектив развития многих направлений внутренней и внешней политики России.

Ключевые слова: социология мирового развития, цивилизация, Север, Россия, идентичность, северная идентичность

Abstracts

The paper brings into focus the North – South divide (the Global North and Global South) to use it as a methodological tool to analyze an identity of the

Russian civilization. Being sure that Russian identity may not be regarded as the Global North and Global West, the authors prove the Northern identity of Russia. To admit this fact is important for identifying the future development trends of the Russian domestic and foreign policies.

Keywords: sociology of world development, civilization, North, Russia, identity, Northern identity

Принятие важных государственных решений, направленных на расширение масштабов и оптимизацию способов освоения обширных территорий Арктической зоны, имеет далеко идущие последствия, касающиеся благополучия не только собственно северных регионов, но и всей России. Обусловленная данным обстоятельством задача формирования новой парадигмы социально-экономического развития российской Арктики вряд ли может ограничиваться решением проблем исключительно самого этого региона (комплексный подход к углубленному освоению арктического пространства, его ресурсно-сырьевая и транспортно-инфраструктурная база, трудовой потенциал и т.д.), но должна включать в себя корректировку многих направлений внутренней и внешней политики России с учетом заметного усиления всестороннего влияния Севера и «северности» на развитие страны. В данном контексте актуализируется вопрос о том, что есть Россия с точки зрения ее пространственно-географического статуса и геокультурной рефлексии, т.е. вопрос о ее идентичности.

Идентификация цивилизаций, макрорегионов и отдельных государств является одной из актуальных проблем социологии мирового развития. По отношению к России вопрос о ее идентичности первоначально решался путем внешнего отождествления со значимыми субъектами истории, что выразилось, например, в концепции «Москва – третий Рим». В этом контексте множественность значимых других (субъектов) определяет множественность и многоуровневость системы идентичностей.

В категориях микросоциального уровня идентичность России часто репрезентируется концептом «матушка-Русь». Вместе с тем очевидно, что непосредственное отождествление микро- и мегасоциальных субъектов по формуле «Россия-женщина – Запад-мужчина» стра-

дает не только, как указывает О.В. Рябов, комплексом «негативной идентичности», но и чрезмерной абстрактностью [1, с. 170]. Так, кроме женской ипостаси концепт «матушка-Русь» содержит другие коннотации. По-видимому, задача идентификации и самоидентификации России должна решаться применительно к каждому из уровней системы идентичностей. В данной статье мы рассмотрим проблему идентичности России в контексте противопоставления Востока и Запада, Севера и Юга.

В отчетливой и ясной форме вопрос об идентичности России, ее самоопределении в семействе мировых цивилизаций – между Западом и Востоком – впервые поставил П.Я. Чаадаев, который писал о «заблудшести» России и о том, что «мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого» [2, с. 25]. Это наблюдение Чаадаева так и осталось объективной мыслеформой для самоидентификации России. Принято считать, что как Чаадаевым, так и в последующей интеллектуальной традиции «при всей оригинальности и значимости идей, высказанных русскими мыслителями о соотношении Запада и России, не найдено окончательного решения этой проблемы» [3, с. 196].

На фоне распространенного убеждения о так и не разрешенном вопросе о положении России на оси Запад – Восток исключением является следующий вывод Е.Б. Рашковского и В.Г. Хороса: «Итак, согласно трудам Чаадаева, России свойственна какая-то особая, еще не проявленная цивилизационно-культурная специфика. Она не знает ни западных, ни восточных форм концентрации духа. Географически она – между Западом и Востоком, но культурологически – она ни Запад, ни Восток, но скорее Север» [4, с. 132–133]. Таким образом, по мнению указанных авторов, самоопределение России между Западом и Востоком может быть найдено на Севере.

Здесь следует обратить внимание на высказывания П.Я. Чаадаева о северном позиционировании России. Проблематизируя идентичность России, он писал: «Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон,

определяемых словами – Запад и Восток, обладает еще третьей стороной» [2, с. 174–175]. Результат искомого доказательства, на наш взгляд, он упоминает в «Апологии сумасшедшего», где констатирует: «Мы просто северный народ и по идеям, как и по климату, очень далеки от благоуханной долины Кашмира и священных берегов Ганга» [2, с. 150]. В «Отрывках и афоризмах» Чаадаев также не забывает о Севере: «...Из тех излучений научной мысли, которые случайно заносят на наши отдаленные прибрежья дуновения Запада, сколько сбившихся с пути, сколько застывших под ледящим дыханием севера» [2, с. 198].

Эти высказывания П.Я. Чаадаева были, видимо, преданы забвению и не замечались в силу того, что в его время они являлись ходячими, стереотипными представлениями о России. В Новое время северная идентичность России составляла общепризнанный культурный штамп, базирующийся на ее восприятии в Европе как северной державы. «Северный текст» российской культуры систематически конструировался в символике государственного строительства XVIII в. – от Северной войны до возведения Санкт-Петербурга как «северной» столицы и Зимнего дворца. В это время эпитет «северный» устойчиво вошел в название литературных периодических и непериодических изданий: «Северная пчела», «Северный Меркурий», «Северные цветы», «Северная лира», «Северный архив» и т.д.

О северной идентичности России как само собой разумеющемся факте писал Н.М. Карамзин. В «Записке о древней и новой России» (1811 г.) мы находим следующее замечание: «Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами» [5, с. 24]. Как видим, проблему позиционирования России между Востоком и Западом Карамзин однозначно разрешает, утверждая о ее северной идентификации.

Северная идентификация России традиционна для западной мысли. Так, уже в начале XX в. один из основоположников геополитики

Х.Дж. Маккиндер, воспроизводя штампы эпохи Просвещения, писал: «Пока “морские” народы Западной Европы заполняли поверхность океана своими судами, направлявшимися в отдаленные земли, и тем или иным образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников против кочевников-татар. ...Вслед за казаками на сцене появилась Россия, спокойно расставшаяся со своим одиночеством, в котором она пребывала в лесах Севера» [6, с. 24–25].

Здесь следует сказать, что если для нас привычна оппозиция Восток – Запад, то с древности вплоть до наполеоновских войн столь же привычной была оппозиция Север – Юг. И в Античности, и в Древнем Китае богатый, цивилизованный Юг противопоставлялся бедному, суровому Северу.

Сегодня мы наблюдаем инверсию этого социокультурного архетипа и не всегда обращаем внимание на ряд известных исторических фактов, свидетельствующих о роли «северных варваров» в возникновении и развитии многих цивилизаций Юга. При разложении последних только вторжения с Севера реанимировали и стимулировали цивилизационный процесс. Парадоксальным образом «северные варвары» оказывались носителями цивилизации и гарантами цивилизованности. Любопытно, что в своем историческом экскурсе под названием «Завоевания северных народов» французский просветитель К.А. Гельвеций указывал, что почти все европейские народы ведут свое происхождение от народов северных [7, с. 460].

Диспозиция всех сторон света представлялась значимой для вдохновителя новоевропейской науки английского философа Ф. Бэкона. Соотношения Запада и Востока, Севера и Юга представлялись ему ценностно нагруженными, но качественно различающимися по способу пространственной локализации. Так, он чисто эмпирически констатирует: «В древности войны имели преимущественно направление с востока на запад, ибо персы, ассирийцы, арабы, татары (т.е. все завоеватели) были народами восточными» [8, с. 484]. Западный градиент переселения народов на территории Евразии мыслитель не объясняет, но признает в виде демографической константы мирового развития.

Вместе с тем Бэкон указывает на относительность оппозиции Запад – Восток. В частности, он пишет: «Восток и запад не являются, однако, постоянными точками на небе; так же и о войнах нельзя с точностью заключить, свойственно ли им восточное направление или западное. Тогда как север и юг являются направлениями постоянными; и редко или даже никогда не случалось южному народу завоевать северный, а бывало как раз наоборот» [8, с. 484–485]. Таким образом, Бэкон фиксирует глобальную асимметрию Север – Юг, стороны которой представляются субстанционально различными, а следовательно, находящимися в некотором постоянном соотношении. В этом соотношении, на его взгляд, безусловно доминирует Север.

Глобальное доминирование Севера выражается в том, что он как бы «нависает» над Югом и время от времени на него обрушивается. Периодические вторжения народов Севера Бэкон объясняет колебаниями в численности населения: «...Когда мир населен не варварскими племенами, но преимущественно такими, которые воздерживаются от брака и деторождения, если не имеют средств к жизни (а это в наши дни наблюдается почти повсеместно, исключая Татарию), то нечего опасаться нашествий. Но когда имеются огромные скопления людей, продолжающих плодиться, не заботясь о средствах к существованию, тогда неизбежно раз или два в столетие часть этого народа будет наводнять соседние страны; это у древних народов севера решалось жребием; кому оставаться дома, а кому искать счастья по свету» [8, с. 485].

Последнее замечание Бэкона весьма симптоматично ввиду современной демографической экспансии с Юга. В настоящее время в значительной мере воздерживающееся от брака и деторождения население государств Севера создает демографический вакуум, заполняемый миграционными потоками из государств Юга. В свою очередь, очевидно, что демографическая экспансия с Юга стимулирована былым европейским колониализмом, т.е. стала ответом на предшествующую глобальную экспансию с Севера.

Столкновения цивилизаций в XX в. серьезно изменили формат мирового порядка. Вместо глобального противоречия по оси Запад – Восток на первом плане вновь оказалось противоречие Север – Юг.

Эта переориентация, хотя и обозначилась в связи с обсуждением проблемы нового мирового экономического порядка еще в 1970-е годы, до сих пор не воспринимается как существенная для глобальной рефлексии.

П.В. Крылов следующим образом оценивает состояние актуализации данной проблемы в исследовательском сознании: «Действительно, на глубинные различия между “Севером” и “Югом” (я совершенно сознательно употребил здесь заглавную букву) стали обращать внимание не столь давно. ...К сожалению, господство социально-экономического подхода к историческому процессу в отечественной исторической науке послужило препятствием для дальнейшего изучения проблематики “Север – Юг”. Противостояние на международной арене СССР и США, наличие военно-политических союзов, границы которых можно было увязать с границами полушарий, делали более актуальной как для отечественных, так и для зарубежных исследователей тему Запада и Востока... Теме “Север – Юг” еще далеко по степени привлекаемого внимания к теме “Восток – Запад”, она очень медленно и постепенно начинает выходить из тени» [9, с. 271–272]. Автор также указывает, что «в отличие от нередко требующего драматической определенности выбора своей идентификации с “Востоком” или “Западом”, выбор между Севером и Югом еще ни для кого не был предметом сколько-нибудь острой дискуссии, поскольку не приобрел характера мировоззренческого выбора» [9, с. 274].

Действительно, глобальное противоречие между Севером и Югом многими исследователями не рассматривается как реальный, объективный факт. Север трактуется как мнимый мирособъект, практически совпадающий с Западом. Рутинным примером этого является издаваемый Институтом мировой экономики и международных отношений под редакцией упоминавшегося В.Г. Хороса тематический ежегодник «Север – Юг – Россия». Авторы этого ежегодника при анализе проблем мировой экономики и политики устойчиво ассоциируют Север с Западом. Например, С.И. Лунев пишет: «Север/Запад не заинтересован в полномасштабной и партнерской интеграции России в свои структуры» [10, с. 79.].

В связи с этим представляется актуальным, как это подчеркивают В.Е. Кемеров и Н.П. Коновалова, «расколдовывание» стереотипа «Восток – Запад» на фоне все более значимого глобального противоречия «Север – Юг» [11, с. 162]. В социологии мирового развития традиционное биполярное представление о мировом сообществе как взаимодействии Запада и Востока необходимо дополнить архаичным и вместе с тем современным представлением о противоречии между Севером и Югом как глобальными миросубъектами. В результате мы получим несколько более сложную, объемную и адекватную модель мирового развития.

В рамках данной модели анализ развития с точки зрения Севера обуславливает выделение самостоятельного исследовательского направления – северной перспективы.

Говоря о северной перспективе применительно к истории России, А.В. Головнев отмечает следующие значимые, на его взгляд, исторические факты [12]: 1) лидирующую роль Севера в развитии Европы начиная с позднеримской эпохи; 2) северные истоки Древней Руси; 3) движущий развитие российской цивилизации конфликт между «нордизмом» – североевропейской этнополитической традицией, символизируемой Великим Новгородом и Петербургом, и «ордизмом» – центрально-азиатской этнополитической традицией, символизируемой Москвой. На наш взгляд, это заслуживающие внимания, интересные факты, но они нуждаются в уточнении и более полной концептуализации. Так, «ордизм» не столь уж далек от «нордизма», если учесть что кочевая культура сформировалась в условиях резко-континентального климата, не уступающего по своей суровости климату северному. Не стоит забывать, например, что Улан-Батор сегодня является самой холодной столицей мира в среднегодовом исчислении температур. Поэтому «ордизм» также относим к северной традиции мировой культуры.

А.В. Головнев иронично замечает, что в своей истории Россия основные доходы получала с севера, потери несла на юге, но окно упорно прорубала в Европу [12]. А территориально, добавим мы, прирастала в основном на востоке. В этом отношении традиционная самоидентификация России выглядит парадоксальной. В отличие, как

указывает А.В. Головнев, от стран Скандинавии, самосознание которых начинается с понятия «север» (Norden, Nordisk, Nordurlandaráð), геопозиция России размыта. Будучи северной страной, Россия никогда в истории – ни в самоопределении, ни в международных отношениях – не основывала свою государственную (национальную) идеологию на северном статусе [12].

Об этой же идеологической превращенности самоидентификации России пишет С.Б. Переслегин. На его взгляд, историческая роль России как «цивилизации-переводчика» между Востоком и Западом обусловила своеобразный характер российских паттернов поведения, когда в качестве точки отсчета и референтного субъекта неосознанно выбирается Запад. Как уточняет Переслегин, квалифицируются они в этой шкале – в зависимости от системы убеждений наблюдателя – либо как «недозападные», либо как «перезападные». В действительности же, с его точки зрения, этот паттерн просто существенно другой, выражающий принадлежность России к совершенно самостоятельной, уникальной культуре, способной сформировать на своей основе четвертую основную цивилизацию современности – цивилизацию Севера [13].

«Северность» России наиболее очевидной стала после распада СССР. Как заметил А.В. Головнев, после того как от нее отпали южные (добавим – и западные) сектора бывшего СССР, Россия обозначилась на карте северной страной с географическим центром в низовьях Енисея на Полярном круге.

Сегодня многие интеллектуалы чисто эмпирически фиксируют северную идентичность России. Так, В. Смык констатирует: «Хотим мы того или нет, но наша национальная самоидентификация, наше чувство родины в последнее десятилетие стали смещаться на север. Русские люди сегодня себя больше чувствуют северянами, чем раньше» [14, с. 77]. Известный культуролог Г.Д. Гачев пишет: «Космос России – Север суровый присоединен к линии умеренных широт. Космос США – к линии умеренных широт присоединен Юг» [15, с. 213].

Значимость северной идентичности России осознается, правда, в основном негативно, в геоэкономическом аспекте. В этом смысле особенно шумный резонанс имела книга историка Ф. Хилл и экономиста К. Гэдди с оригинальным названием «Сибирское проклятье: как

коммунистические плановики обрекли Россию на холод» («The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold») [16], в которой приводятся результаты проведенного ими обширного исследования тех потерь, которые несет российская экономика из-за холодного климата, в особенности в районах Сибири и Дальнего Востока.

Понятно, что для России «северные издержки» окупались «северными сверхдоходами». Ввиду развертывающейся сегодня битвы за Арктику и перспективы очередного северного поворота в геоэкономической стратегии России все более актуальным становится учет ее северной идентичности. В северных регионах РФ все чаще стал ставиться вопрос о природе и характере северных сообществ, специфике России как северной цивилизации. Это ведет к тому, что все важнейшие элементы российской культуры начинают переосмысливаться в «северном измерении».

Хозяйственные традиции нашего общества, его традиционная деловая культура, этос и духовная культура, способы социальной самоорганизации должны быть прочитаны, поняты и истолкованы в «северном формате». Разумеется, этот формат не является единственным. Но он является базисным форматом, над которым надстраиваются опосредствующие его другие форматы социальной самоорганизации. Соответственно, большое значение приобретают разработка и реализация «северных стандартов» во всех сферах жизнедеятельности общества.

Признание северной идентичности одной из базисных идентичностей для российского общества влечет за собой необходимость конкретизации содержания других идентичностей. Например, «материнская» идентичность России должна рассматриваться с учетом специфики гендерной и семейной культуры Севера. Таким образом, с позиций социологии мирового развития и фиксации в качестве отправной точки факта северной идентичности России открываются новые возможности для теоретико-модельной интерпретации и эмпирического анализа проблем развития российского общества, а также для осмысления практических задач по корректировке отдельных направлений внутренней и внешней политики. Поэтому обоснование современной парадигмы развития Арктики с учетом северного статуса России приобретает особую значимость.

Литература

1. **Рябов О.В.** «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.
2. **Чаадаев П.Я.** Избранные сочинения и письма. – М.: Правда, 1991. – 560 с.
3. **Горбач К.** Запад и Россия // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 192–196.
4. **Рашковский Е.Б., Хорос В.Г.** Проблема «Запад – Россия – Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1988. – Вып. 3. – С. 110–142.
5. **Карамзин Н.М.** Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 128 с.
6. **Маккиндер Х.Дж.** Географическая ось истории // Классика геополитики. XX век. – М., 2003. – С. 7–32.
7. **Гельвеций К.А.** Об уме. – М., 1974. – Т. 1. – 606 с.
8. **Бэкон Ф.** Опыты, или Наставления нравственные и политические. – М., 1972. – Т. 2. – 518 с.
9. **Крылов П.В.** «Восток и (или) Запад» – оптический обман мифологии пространства или географические «места памяти»? // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. – М., 2006. – С. 269–277.
10. **Лунев С.И.** Россия между Западом и Востоком // Север – Юг – Россия. 2010: Ежегодник. – М., 2011. – С. 79–88.
11. **Кемеров В.Е., Коновалова Н.П.** «Восток – Запад» // Современный философский словарь. – Лондон и др., 1998. – С. 159–163.
12. **Головнев А.В.** Северная перспектива в истории России. – URL: <http://www.uralweb.ru/rating/go/ihisturan> (дата обращения 10.10.2012).
13. **Переслегин С.Б.** «Северная цивилизация»: Санкт-Петербург на геополитической карте мира. – URL: <http://stabes.nm.ru/materials/Pereslegin> (дата обращения 12.01.2013).
14. **Смык В.** И... как это будет // Тобольск и вся Сибирь. – Тобольск, 2005. – Вып. № 5. – С. 77–82.
15. **Гачев Г.** Космософия России и русский логос // Гачев Г. Ментальности народов мира. – М., 2003. – С. 205–212.
16. **Хилл Ф., Гэдди К.** Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России. – М. Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. – 328 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 13.01.2013 г.